

(Продолжение)

Начало в «Вести-Камчатка» □ 4 от 08.02.2017; «Вести+ТВ» □ 854 от 15.02.2017; «Вести-Камчатка» □ 5 от 22.02. 2017; □ 6 от 01.03.2017, □ 7 от 8.03.2017, □ 8 от 15.03.2017, □ 9 от 22.03.2017, □ 10 от 29.03.2017, □ 11 от 05.04.2017, □ 12 от 12.04.2017, □ 13 от 19.04.2017, □ 15 от 31.05.2017, □ 17 от 03.05.2017, □ 21 от 28.06.2017, □ 22 от 5.07.2017, □ 23 от 12.07.2017, □ 24 от 19.07.2017, □ 25 от 26.07.2017, □ 26 от 02.08.2017

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий. Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о русской армии, с которой нераз-рывно связана моя жизнь.

Вопросы политические, социальные, экономичес-кие затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин,

Брюссель, 1921 г. ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. «ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ АРМИИ»: ИСТОРИЯ «ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ СОЛДАТА»

О Т Ч Е Т Генерала

л Алексеев: «Я считаю необходимым говорить совершенно откровенно. Нас всех объединяет благо нашей свободной родины. Пути у нас могут быть различны, но цель одна - закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее, хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной.

Только победа может дать нам желанный конец. Тогда только возможна созидательная работа. Но победу надо добыть. Это же возможно только в том случае, если выполняются приказания начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа. Сидеть в окопах – не значит идти к концу войны. Противник снимает с нашего фронта и спешно отправляет на англо-французский дивизию за дивизией, а мы продолжаем сидеть. Между тем, обстановка наиболее благоприятна для нашей победы. Но для этого надо наступать. Вера в нас наших союзников падает. С этим приходится считаться в области дипломатической, а мне особенно в области военной.

Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения – любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах

Родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно. Лозунг «Без аннексий и контрибуций» приводит толпу к выводу: «Для чего жертвовать теперь своею жизнью?». Вы спросите, где же власть, где убеждения, где, может быть, даже физическое принуждение? Я должен сказать, что реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии. Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал. Этому способствует и недостаток снабжения. Надо учесть еще и происшедший в армии раскол. Офицерство угнетено, а между тем, именно офицеры ведут массу в бой. Надо подумать еще и о конце войны. Все захотят хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядок произвела недавно на железных дорогах масса отпускных и дезертиров. А ведь тогда захотят одновременно двинуться в тыл несколько миллионов человек. Это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно. Имейте еще в виду, что возможен при демобилизации и захват оружия.

Главкомандующие приведут вам ряд фактов, характеризующих положение армий. Затем я дам заключение и выскажу наши пожелания и требования, выполнение которых является необходимым».

Генерал Брусилов: «Прежде всего, я должен нарисовать вам, что представляет собою офицерский и солдатский состав армий в данное время. Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили до 50% кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армий. Большие потери убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров – все это привело к тому, что попадают полки, где состав обернулся 9-10 раз, причем, в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2-4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры – молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду неопытности. И вот на эту среду выпала задача: переустроиться на новый лад. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворот, необходимость которого чувствовалась, который даже запоздал, упал все-таки на неподготовленную почву. Малоразвитой солдат понял это, как освобождение «от офицерского гнета». Офицеру же нанесли обиду – его лишили прав воздействия на подчиненных. Начались недоразумения. Были, конечно, виноватые из старых начальников, но все старались идти навстречу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это влияниями со стороны. Приказ Совета № 1 смутил армию. Приказ № 2 отменил этот приказ для фронта. Но у солдат явилась мысль, что начальство что-то скрывает – одни хотят дать права, другие отнимают. Офицеры встретили переворот радостно. Если бы мы не шли навстречу перевороту так охотно, то может быть, он не прошел бы так гладко. А между тем, оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам осталось довольствоваться только ролью каких-то париев свободы. Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще. Все знают, что даны большие права, но не знают, какие, не интересуются и обязанностями. Офицерский состав оказался в трудном положении. 15-20% быстро приспособились к новым порядкам по убеждению, вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75%, не умело приспособиться сразу, обиделось,

спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Мы принимаем меры: освободить их из этой скорлупы и слить с солдатами, так как офицеры нужны нам для продолжения войны, а других офицеров у нас сейчас нет. Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить, все это мешает взаимному пониманию. Необходимо разъяснить и внушить массе, что свобода дана всем. Я знаю солдата 45 лет, люблю его и постараюсь слить с офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и, особенно, Совет солдатских и рабочих депутатов также должны приложить все силы, чтобы помочь этому слиянию, которое нельзя отсрочивать, во имя любви к родине.

Это необходимо еще и потому, что заявление «без аннексий и контрибуций» необразованная масса поняла своеобразно.

Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат «Мир во что бы то ни стало, долой войну».

При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: «Сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил: «Мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника». В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей. Зачем же калечиться?». Но этот случай единичный. Чаще войска, особенно находящиеся в резерве, отзывчиво относятся к взглядам о необходимости продолжать войну.

Воззвания противника, написанные хорошим русским языком, братанье с противником, и распространяемая в большом количестве экземпляров газета «Правда», приводят к тому, что, несмотря на то, что офицерский состав желает драться, влияния он не имеет. Наступление является поэтому делом чрезвычайно трудным.

Необходима дисциплина. Нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитет офицеров правительству и Совету. Если этого не будет, то исчезнет, что есть. Наступление или оборона? Успех возможен только при наступлении. При пассивной обороне всегда прорвут фронт. Если войска дисциплинированы, то прорыв можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированных войск нет, они не обучены, офицеры не имеют власти. Успех противника при таких условиях легко может повести к катастрофе. Поэтому необходимо внушить массе взгляды, что надо не обороняться, а наступать. Один из выдающихся корпусов занимал пассивный участок. Когда его хотели сменить, с целью поставить на активный участок, то корпус отказался уйти, желая остаться на прежнем участке, и одновременно разослал телеграммы «всем».

Армия должна знать, что неисполнения приказаний никто не одобряет, и тогда дисциплина, в размерах, необходимых нам для войны, восстановится. Я делаю все. Но взываю к Совету помочь мне выполнить долг, так как мои усилия недостаточны. Кроме того, наступлению мешает неподготовленность тыла: запасов продовольствия нет – мы живем изо дня в день; конский состав в ужасающем виде – есть даже падеж от бескормицы; не хватает обозов; отпущены рабочие руки, благодаря этому дороги в отчаянном состоянии; не хватает людей, так как противник увеличивает срок службы,

мы же его уменьшаем. И так, нам недостает многого. Но все-таки численное превосходство на нашей стороне. Если противник справится с французами и англичанами, то затем бросится на нас, и тогда нам будет нехорошо. Нам нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться – и мы приветствуем от всего сердца коалиционное правительство. Власть только тогда крепка, когда опирается на армию, олицетворяющую вооруженную силу народа».

Генерал Драгомиров: «Я дополню картину, нарисованную генералом Брусиковым, оценкой положения на Риго-Двинском фронте, прикрывающем Петроград. Распоряжения к нам приходили всегда позже, опережаемые живой почтой. В армиях создалось впечатление, что начальство скрывает получаемые приказы, и создался раскол между офицерами и солдатами. После больших усилий, удалось привести армию в более или менее нормальное состояние. Под словом «нормальное состояние» я понимаю лишь прекращение эксцессов. Господствующее настроение в армии – жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедовать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям. Свое-образно поняв лозунг «Без аннексий», не будучи в состоянии уразуметь положение различных народов, темная масса все чаще и чаще задает вопрос: «Почему к нашему заявлению не присоединяется демократия наших союзников?» Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать оружие «зачем нам, мы воевать не собираемся». Работы прекратились. Необходимо принимать даже меры, чтобы не разбирали обшивку в окопах и чинили дороги. В одном из отличных полков, на принятом участке оказалось красное знамя с надписью «Мир во что бы то ни стало». Офицер, разорвавший это знамя, должен был спасаться бегством. Целую ночь группы солдат-пятигорцев разыскивали по Двинску этого офицера, укрытого штабом. Ужасное слово «приверженцы старого режима» выбросило из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много офицеров хороших, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала, или же не умели приспособиться.

Но еще более опасны медленные, тягучие настроения. Страшно развился эгоизм. Каждая часть думает только о себе. Ежедневно приходит масса депутатий – о смене, о снабжении и т. п. Всех приходится убеждать, и это чрезвычайно затрудняет работу командного состава. То, что раньше выполнялось беспрекословно, теперь вызывает целый торг. Приказание о переводе батареи на другой участок – сейчас же вызывает волнение: «Вы ослабляете нас, значит, изменники». Когда оказалось необходимым вывести в резерв на случай десанта противника, ввиду слабости Балтийского флота, один корпус, то сделать это было нельзя, все заявляли: «Мы и без того растянуты, а если еще растянемся, то не удержим противника». А между тем, раньше перегруппировки удавались нам совершенно легко. В сентябре 1915 года с Западного фронта было выведено 11 корпусов, и это спасло нас от разгрома, который мог бы решить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагирует на малейшее изменение.

Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода, не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетов заинтересованных частей.

Наряду с этим сильно развилось искание места полегче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командиры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие ради личных выгод занять позицию. При известии о том, что в одной из казачьих областей было наводнение, причем сильно пострадали несколько станиц, целый полк казаков потребовал отправления на родину. После переговоров удалось прийти к соглашению отправить по два человека на взвод. Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний. «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет, не дойдет и японец». С отдельными лицами можно говорить, и удается добиваться желательных результатов. Но с общим настроением удается справляться лишь с большим трудом.

Недостойно ведет себя незначительная часть офицеров, стараясь захватить толпу и играть на ее низменных чувствах. В одном из полков был вынесен приговор суда общества офицеров об удалении из полка одного из офицеров. Офицер этот, собрав группу солдат, апеллировал к ним, призывая заступиться за него, изгоняемого из полка за то будто бы, что он защищал солдатские интересы. С большим трудом удалось успокоить собравшуюся толпу солдат, но офицера пришлось оставить в полку. Выборное право нигде не было проведено полностью, но явочным порядком местами вытесняли неугодных, обвинив их в приверженности к старому режиму, а местами оставили начальников, признанных, безусловно, непригодными и подлежащими увольнению. Не было никакой возможности заставить отказаться от просьб об оставлении таких непригодных лиц. Что касается эксцессов, то были отдельные попытки стрельбы по своим офицерам. Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вот уже два месяца армии наносятся тяжелые удары, и вместо пользы армии переворот принес колоссальный вред. Если так будет продолжаться дальше, то это – начало конца, армия прекратит существование, так как нельзя будет думать не только о наступлении, но даже и об обороне. Чувство самосохранения развивается до потери самого элементарного стыда, принимает панический характер. Из 14 дивизий, описанные явления наблюдались в шести. Немцы учли и отлично использовали появившееся у нас стремление к миру. В период развала и разрухи началось братание, поддерживавшее это мирное направление, а затем уже, с чисто провокационными целями, германцы стали присылать парламентариев. Но есть явления и отрадные, и если мы получим поддержку, то разоведем их. Хорошо настроены отдельные национальности – латыши, поляки, украинцы.

Самое главное – вернуть командному составу авторитет. Во всех последних актах, проглядывает забота только о солдате.

Мой отец еще в 60 годах прошлого столетия начал борьбу за раскрепощение солдата и введение разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану генерального штаба, Александр II сказал: «Я требую от тебя дисциплины, а не либеральных мыслей». Не мне – его сыну – стоять за сохранение старого порядка, но я не могу сочувствовать развалу армии. Все, что теперь делается, губит армию. Единственное упоминание об офицерах – благодарность Гучкова – явилась как бы насмешкой над офицерами, попавшими в резерв. Так больше продолжаться не может. Нам нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у нас почву из-под ног, потрудитесь ее теперь восстановить. Раз на нас возложены громадные обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести к победе миллионы порученных нам солдат».

Генерал Щербачев: «Нас привело сюда сознание важности момента, и лежащей на нас громадной ответственности. Нам необходимо воскресить былую славу русской армии, и мы глубоко убеждены, что уедем

отсюда с твердой уверенностью, что наши доводы приняты во внимание. Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены. Главнейшая причина этого явления – неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже верных идей, необходимо считаться.

Я не буду приводить Вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной», и блестяще поддерживавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать, подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать. Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены после того, как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления. Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной России доблестно дрались; свергнув же правительство, стремившееся к позорному миру, граждане свободной России не желают драться, и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это так. Причина – исчезла дисциплина, нет доверия к начальникам, Родина – для многих пустой звук. Эти условия тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на румынском фронте, где приходится считаться не только с более тяжелыми, чем на других фронтах, военными условиями, но и с очень запутанной политической обстановкой.

Горный, непривычный для равнинного жителя театр вой-ны, угнетающе давит на психику войск. Часто слышатся голоса: «уберите нас из этих проклятых гор».

Продовольственные затруднения, создавшиеся благодаря тому, что приходится базироваться на одну железнодорожную линию, усиливают это недовольство. То, что мы ведем борьбу на территории Румынии, истолковывается, как борьба «за Румынию», что также не встречает сочувствия. Не всегда доброжелательное отношение местных жителей истолковывается как нежелание помочь тем, кто сражается за них же.

Возникают трения, иногда разрастающиеся вследствие того, что часть румын считает нас виновниками тех поражений, которые они понесли, и из-за которых они лишились большей части своей территории и достояния. Румынское правительство и представители союзников знают и учитывают, происходящее у нас в армии брожение и отношение к нам союзников меняется. Я лично замечаю, что между нами и союзниками пробежала кошка: нет прежнего уважения к нам, нет веры в мощь русской армии.

Я высоко держу власть, но, если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен на наш счет. В 1914 году мы прошли всю Галицию. В 1915 году при отступлении мы забрали на Юго-западном фронте 100 000 пленных – сами судите, что это было за отступление и

каков был дух войск. Летом 1916 года мы спасли от разгрома Италию. Неужели же теперь мы изменим общему делу союзников и принятым на себя обязательствам? Развал в армии налицо, но он поправим. И если бы нам это удалось, то через месяц наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдут вперед. История будет поражена, с какими ничтожными средствами мы добились блестящих результатов в 1916 году. Если вы хотите поднять русскую армию и превратить ее в мощный организм, который продиктует условия мира, то вы должны нам помочь. Дело поправимо, но лишь в том случае, если начальники получают одобрение и доверие. Мы надеемся, что вся верховная власть в армии будет передана Верховному главнокомандующему, который один может распоряжаться войсками. Мы исполним волю Временного правительства, но дайте нам могучую поддержку».

Генерал Гурко: «С чувством грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитет военных начальников глубоко подорван. Я думал, что волна революции уже достигла верха, и дальше пойдет улучшение, но я ошибся. Если вы хотите продолжать войну до желательного нам конца, то необходимо вернуть армии власть. А между тем, мы получили проект декларации. Гучков не нашел возможным подписать ее и ушел. Я должен сказать, что если штатский человек ушел, отказавшись ее подписать, то для нас, начальников, она неприемлема. Она создаст полное разрушение всего уцелевшего. А ведь она должна дойти до самой маленькой ячейки – до роты.

Коснусь вопроса об отдании чести. Можете назвать его приветствием, но оно должно быть обязательным. В самом элементарном обществе установлено взаимное приветствие и считается оскорблением, если один из знакомых умышленно не приветствует другого. Войдите в шкуру тех, кто на этой почве столкнется в бою. Какие отношения признаются декларацией нормальными, если узаконить это неуважение к начальнику.

Дом не строят из одних кирпичей. Если вы введете декларацию, то армия рассыплется в песок. Надо торопиться. Время не терпит. Необходимо создать нормальные условия для совместной работы тех, кто вместе отдает Родине свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сделаете этого теперь, то скоро уже ничего не будет.

Я расскажу Вам один эпизод из периода, когда я временно исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. 13 февраля с. г. я долго убеждал бывшего царя дать ответственное министерство. Как последний козырь я выставил наше международное положение, отношение к нам союзников, указал на возможные последствия, но тогда моя карта была бита.

Наше международное положение я хочу охарактеризовать теперь.

Прямых указаний, как реагируют наши союзники на наш отказ от продолжения борьбы, нет. Мы не можем потребовать, чтобы они высказали свои сокровенные мысли, но, подобно тому, как на войне нам часто приходится решать вопрос «за противника», так и здесь попытаемся разобраться, решая «за союзников». Начать было легко, но волна революции захлестнула нас. Я надеюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживем все. Если же этого не будет, если союзники убедятся в нашем бессилии, то при принципах реальной политики у них будет единственный выход – заключить сепаратный мир. И при этом они даже не нарушат обязательств, так как ведь мы обязались драться совместно, а теперь стоим. Если же один дерется, а другой, как какой-то китайский дракон, сидящий в окопах, ожидает результата драки, то, согласитесь, что у того, кто дерется, может возникнуть мысль о сепаратном мире. И этот мир будет заключен, конечно, за наш счет. От наших союзников австро-германцы ничего получить не могут,

финансы расстроены, а естественных богатств нет. Наши финансы тоже расстроены, но у нас есть огромные нетронутые естественные богатства. Но к такому решению союзники придут, конечно, в крайности, так как это будет не мир, а длительное перемирие. Отъевшись за наш счет, воспитанные на идеалах 19 века, германцы вновь обрушатся на нас и наших бывших союзников. Вы, может быть, возразите: если это возможно, то отчего бы не заключить нам сепаратный мир раньше? Тут я, прежде всего, затрону нравственную сторону. Ведь обязалась Россия, а не ее бывший самодержец. Мне был известен, когда вы этого еще не знали, факт двоедушия Романова, заключившего вскоре после 1904-1905 года союз с Вильгельмом, когда еще действовал франко-русский союз. Свободный русский народ, сам ответственный за свои поступки, не может отступить от своих обязательств. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнем переговоры, то в тайне это остаться не может. Через 2-3 дня об этом узнают наши союзники. Они тогда также вступят в переговоры, и начнется аукцион – кто больше даст. Союзники, конечно, богаче нас, но борьба там еще не кончена, а кроме того, за наш счет наши противники могут получить значительно больше.

С точки зрения именно международного положения нам надо доказать, что мы еще можем воевать. Я не буду продолжать революционирование армии, так как если это продолжится, то мы можем оказаться не в состоянии не только наступать, но даже и обороняться. Оборона еще гораздо труднее. В 1915 году мы отступали – начальники приказывали и их слушали. Вы могли требовать с нас, так как мы воспитали армию. Теперь положение иное – вы создали нечто совершенно новое и отняли у нас власть. Накладывать теперь ответственность на нас нельзя – она ляжет всецело на ваши головы.

Вы говорите: «Революция продолжается». Послушайте нас – мы больше знакомы с психологией войск, мы пережили с ними и славные и печальные страницы.

Приостановите революцию и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг и довести Россию до состояния, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернем вам не Россию, а поле, где сеять и собирать будет наш враг, и вас проклянет та же демократия. Так как именно она пострадает, если победят германцы, именно она останется без куска хлеба. Ведь крестьяне всегда просуществуют своей землей.

Про прежнее правительство говорили, что оно «играет в руку Вильгельма». Неужели то же можно сказать про вас? Что же это за счастье Вильгельму! Играют ему в руку и монархи, и демократия.

Армия накануне разложения. Отечество в опасности и близко к гибели. Вы должны помочь.

Армия – организм хрупкий; вчера она работала; завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная твердая власть; без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен.

Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмешивайтесь.

Если хотите, то назначьте таких, которые будут делать перед вами реверансы.

Скажите здоровое слово, что без дисциплины армия не может существовать. Дух критики заливаает армию и должен прекратиться, иначе он погубит ее.

Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то вспомните, что говорил

генерал Гурко о нашем международном положении. Работать мы будем; помогите же нам и вы».

Продолжение следует